

Петь на скрипке я учился у Чечилии Бартоли

В 1990 году Максим ВЕНГЕРОВ покинул СССР и отправился покорять мир и с тех пор заезжал домой лишь поздравить великих — например, Юрия Башмета с 50-летием. Наконец Максим дал “малосольный” (по собственному выражению) концерт в БЗК и не только себя показал во всей красе, но и открыл нам уникального пианиста — Фазиля Сая. В Москве дуэт выступил в рамках мирового турне, которое завершится в Carnegie Hall 19 марта. Пользуясь случаем, корреспондент “Культуры” поинтересовалась у Максима и Фазиля, чем наполнена их творческая жизнь.

— Максим, когда вы последний раз выступали в Москве?

— Я хорошо помню этот день — 11 июня 1986 года. Тогда я, Вадик Репин и Женя Кисин открывали Конкурс Чайковского. Каждый играл 50-минутную программу, после чего конкурс предложили закрыть, дав три первые премии. Этот день повлиял на всю мою дальнейшую судьбу.

— Вы когда-нибудь играли сольные концерты в России?

— Нет. Я мечтаю выступить в Новосибирске. Но сначала “взяли” Москву. И это — событие для меня.

— Почему это не случилось раньше?

— Наверное, всему свое время. Видимо, так было нужно, чтобы концерт состоялся только теперь. Я должен отметить, что в Москве потрясающая публика — те люди, которые слушали в этом зале великих — Ойстраха, Гилельса, Рихтера, — пришли на мой концерт и очень тепло приняли. Мне было очень приятно, что за все эти годы публика совсем не изменилась.

— Чем примечательно ваше нынешнее турне?

— Сейчас я работаю с очень интересным пианистом из Турции, Фазилом Саем, с которым мы играем музыку Баха, Моцарта, Бетховена и Брамса. Фазиль очень известен, дает 120 концертов в год, является очень крупным музыкантом. Мы познакомились с ним пять лет назад в Стамбуле во время круиза по Средиземному морю. Он играл концерт, и мне очень понравилось. Некоторое время спустя уже у меня был концерт в Стамбуле, на который пришел он, а после мы попробовали поиграть вместе. Сначала у нас были так называемые “пробные” концерты, а теперь проводим огромное турне — месяц в Европе и месяц в США.

— Одна из программ включает три сонаты Брамса, и вы собирались играть их в Москве?

— Да, но потом решили, что московской публике будет интереснее услышать в первый раз более разнообразную программу. Мы изменили планы, и, мне кажется, я не ошибся.

— Три сонаты Брамса вы играли с Даниэлем Баренбоймом, Евгением Старцевой, теперь играете с Саем. Что меняется в вашем исполнении с разными пианистами?

— Рояль абсолютно противоположен скрипке и, я бы сказал, трудно с ней сходится. Скрипка — инструмент поющий, способный имитировать человеческий голос, а фортепиано — ударный. Но если пытаться на рояле петь, и это удается немногим пианистам, то можно пойти на этот компромисс. И скрипке в этом случае необходима адаптация — и интонаци-

онная, и интерпретационная. Особенно это касается сочинений Бетховена, Брамса, Моцарта, которые написаны для фортепиано и скрипки, а не для скрипки и фортепиано. Для Баренбойма, который еще и дирижер, рояль — это оркестр. И когда мы играем с ним Брамса, я слышу целую симфонию. Фазиль смотрит на эти сонаты с композиторской точки зрения, потому что он прежде всего композитор. И это очень интересно. Мы пробуем, дискутируем, соглашаемся, не соглашаемся. Я не знаю, что мне ближе — дуэт с Баренбоймом или с Фазилом, это две совершенно разные планеты.

— Часто молодых скрипачей называют “второй Хейфец”, “второй Ойстрах”. Что вы слышали о себе?

— Когда-то Хейфеца спросили: “Яша, кто первый из скрипачей сейчас в мире?” И он ответил: “Я не знаю. Я — второй. А первых много”. Я слышал, меня сравнивали с Менухиным, Ойстрахом... Но у меня есть свое лицо. Я — наследник потрясающей традиции Столярского — Ойстраха — Сергеева — Турчаниновой. Но я и сам развивался, много думал, общался с великими музыкантами — такими, как Баренбойм или Джулини. Но самое яркое мое впечатление — это, конечно, общение с Мстиславом Ростроповичем, моим музыкальным отцом, самым дорогим для меня человеком. Он открыл мне двери в новый, неизвестный мне музыкальный мир и раскрыл многие профессиональные секреты. Жаль, что он не выступает здесь, это большая потеря для России.

— Известно, что, помимо игры на скрипке, в вашей жизни есть дирижирование, преподавание, вы все время в поиске, осваиваете старинные инструменты, начали играть на альте, выступаете как посланник ЮНИСЕФ. Начало нового дела для вас всегда имеет рациональные причины, или новое увлечение возникает спонтанно?

— Все взаимосвязано — есть и рациональное, и иррациональное. Но мне кажется, всегда все должно прежде всего исходить из души. Когда мы записывали диск с музыкой Бриттена, оставалось место и надо было чем-то его заполнить. Мне предложили записать скрипичный концерт соотечественника Бриттена — Уолтона. Я стал изучать партитуру и понял: душа не лежит. Начал искать. Случайно услышал в исполнении Башмета альтовый концерт того же Уолтона, влюбился в это сочинение и решил сыграть. Хотя времени учиться игре на альте у меня, в общем-то, и не было, пришлось заниматься ночами.

— Вы как-то сказали, что дири-

М. Венгеров и Ф. Сая

жирование вам нужно, чтобы не чувствовать себя одиноким.

— Это необходимый способ общения с музыкантами. К тому же мне как солисту, играющему с оркестром, всегда было интересно посмотреть на все это с обратной стороны. С практической точки зрения, дирижирование помогает проникнуть в самую глубину музыки. Я исполнял Вторую симфонию Бетховена, симфонию “Юпитер” Моцарта.

— С Английским камерным оркестром?

— Да, и еще с Белградским филармоническим оркестром.

— Есть какие-то границы у вашего круга интересов? Например, можете вы сказать, что никогда не будете играть на электроскрипке, как Ванесса Мей, и что никогда не отпустите длинные волосы, чтобы играть на бас-гитаре heavy metal?

— Я никогда не перейду свои эстетические границы. Я воспитан в русской классической традиции, учился в Германии, где приобрел и немецкую организацию. И это соединение двух фантастических культур — самых главных — повлияло на мое мировоззрение. Я никогда не выйду за рамки этих двух культур, но постараюсь в музыке заниматься всем. В 2005 году, например, я решил не играть концертов и заниматься другими делами. Исключение составит лишь премьера в Ганновере альтового

концерта моего большого друга Вениамина Юсупова, к которой мне, конечно, нужно будет подготовиться. Я буду играть в одной из частей импровизацию в стиле рок, а в конце танцевать танго с партнершей. Мне очень нравится танцевать.

— А какие танцы вы освоили?

— Разные. Я немного танцую сальсу. А танго — мой любимый танец.

— Что вы планируете в Лондоне с Роби Лакатошем?

— 25 марта у нас будет небольшой музыкальный экспромт. И с нами выступит джазовый музыкант Дидье Локвуд, у которого я буду учиться джазовой импровизации.

— А зачем это вам?

— Два века назад импровизировали все, и эта культура была очень сильна. Мне интересно научиться импровизировать в разных стилях — джазовом, роковом, классическом... Это дает особую свободу. Несколько лет назад я с ансамблем “Виртуозы”, который специально собрал на один проект, записал диск под названием “Венгеров и “Виртуозы””. Последним номером на нем был Чардаш Монти, который пользовался особым успехом. И у этой записи есть своя история. Как-то на фестивале в швейцарском Гштаде я зашел в ресторан, где один потрясающий венгерский скрипач играл Чардаш Монти. Я очень заинтересовался его техникой и стилем, приходил каждый день, давал

ему на чай и просил играть Чардаш Монти. И я очень многому у него учился.

— “Венгерский танец” Брамса, прозвучавший на бис в Москве, многих в зале поразил своей естественностью и смелостью, и кто-то даже предположил, что у вас в роду были мадьяры.

— Мой папа родился в маленьком городке на венгерской границе. Так что это все неспроста. Кстати, мой прапрадед был революционером, за что его сослали в Сибирь, а впоследствии в его честь назвали деревню Венгерово под Новосибирском.

— Почему в сонате Баха вы используете такую детальную динамику, даже в пределах одного звука?

— Что такое звук? Звук делится на три части: начало, развитие и тот момент, когда он заканчивается и переходит либо в другой звук или в тишину. И для меня одинаково важно, что происходит в звуках, и то, что происходит между ними. Скрипка — это инструмент пения. Моя мама была хормейстером, учила меня петь, потом о том, что можно делать с голосом и как петь на скрипке, я учился у Чечилии Бартоли, Дитриха Фишер-Дискау и других великих певцов...

— Вы — профессор высшей школы в Саарбрюккене. Сколько у вас учеников?

— Пятеро, причем все из разных

стран — из Германии, Франции, Турции, Испании и России.

— Вы преподаете по собственной системе?

— Да, я разработал свою методику. Конечно, мне пригодились советы и моих педагогов. В основном меня воспитала моя первая учительница, Галина Турчанинова, которая учила меня большему, чем игре на скрипке. В те годы я испытал и первое сценическое ощущение. (Кстати, недавно я послушал запись концерта Мендельсона, которую сделал в 8 лет с Новосибирским оркестром. И был удивлен, насколько это было зрелое исполнение.) Галина Степановна была со мной на одной волне, давала огромную свободу. Захар Брон тоже дал мне много, но закрепощал. И это тоже было важно — я выработал свой иммунитет. Он делал меня сильным человеком, прививал бойцовские качества, учил ориентироваться в этой непростой жизни.

— Вы видите с Броном и Турчаниновой?

— Да, с Броном у меня хорошие отношения. А Галина Степановна была на концерте в Москве, часто бывает у нас в Германии.

— Где вы живете?

— Везде.

— Хорошо, спрошу иначе. Где вы платите налоги?

— Налог тоже плачу везде, где выступаю. А гражданство у меня двойное — Германии и Израиля. Но как дома я чувствую себя в Москве. Тут я могу поговорить на родном языке, настоящему расслабиться, забыть о разнице в менталитете, которая сохранилась, несмотря на то что давно живу за границей. Мои любимые фильмы — российская, советская классика — “Бриллиантовая рука”, комедии Рязанова. В июне я провел месяц в Москве в гостях у Ростроповича, ходил по музеям, театрам, был в цирке и в полной мере ощутил, что такое Россия. Я обожаю русскую баню! На днях мы ходили с друзьями в Сандуны. Опять туда тянет.

— Вы говорили, что сочетание русской и немецкой культуры повлияло на ваше мировоззрение. Обясняет ли это приоритет в ваших программах русской и немецко-австрийской музыки?

— Да, конечно. Я больше всего люблю играть Шостаковича, Прокофьева, Стравинского, Чайковского и, конечно, Баха, Брамса, венских классиков. Французскую музыку действительно играю гораздо реже. Но в будущем возьмусь и за нее, хочу сыграть, например, Сонату Равеля.

— Вы считаете себя везучим?

— Да, я очень везучий. У меня, как у каждого артиста, тоже бывали времена, когда как будто едешь на маленькой машине по саванне и все время увязает в песке, не можешь двигаться быстрее... А потом — раз!

— И в “Lexus”!

— Точно! И я могу назвать себя абсолютно счастливым человеком.

Беседа вел
Татьяна ДАВЫДОВА
Фото Эдуарда ЛЕВИНА